

Объявления: За строку петита или занимаю его место — въ Латвіи
 въ текстѣ Ls 1.40 (70 р. латв.) } 15 %
 предл. труда —.14 (7) } гор.
 позади текста —.34 (17) } налога
 Для заграницы — .10 амер. цент. за строку петита

Подписная плата въ мѣсяцъ за 7 пом. въ нѣдѣлю
 въ Латвіи Ls 3.50 (175 руб.)
 Заграницей 5.20 (260 . . .)
 1 амер. дол.

Цѣна отдѣльнаго номера:
 въ Латвіи:

12 сент. (6 латв. руб).

въ Литвѣ: за оба издан. 60 цент.
 въ Польшѣ: за оба издан. 50 грш.
 за утрен. 30 .
 воскр. 35 .

СЕТГОДНЯ

Редакція, главная контора и экспедиція

РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.

Телефонъ редакціи 9-2-9-5-9 и 7700, Гл. конторы 59-90. Почтовый ящикъ № 85.

Отдѣленія конторы въ Ригѣ: ул. Свободы № 27, ул. Полк. Брѣдиса № 2, Московская ул. № 106.
 Текущіе счета: въ банкѣ Латвіи № 534, въ коммерческомъ банкѣ, Ковно № 638, на главной почтѣ № 115.

Чеховъ и его пьесы.

(Изъ записокъ К. С. Станиславскаго*.)

Обстоятельства, при которыхъ ставилась «Чайка», были сложны и тяжелы.

Дѣло въ томъ, что Антонъ Павловичъ Чеховъ серьезно заболѣлъ. У него произошло осложненіе туберкулезнаго процесса. При этомъ душевное состояние его было таково, что онъ не перенесъ бы вторичнаго провала «Чайки», подобнаго тому, какой произошелъ при первой ея постановкѣ въ Петербургѣ. Неуспѣхъ спектакля могъ оказаться гибельнымъ для самого писателя. Объ этомъ насъ предупредила его до слезъ взволнованная сестра Марія Павловна, умолявшая насъ объ отъѣздѣ спектакля. Между тѣмъ, онъ былъ намъ до зарѣзу необходимъ, такъ какъ матеріалы дѣла театра шли плохо и для поднятія сборовъ требовалась новая постановка. Предоставляю читателю судить о томъ состояніи, съ которымъ мы, артисты, выходили играть пьесу на премьерѣ, собравшей далеко неполный залъ (сборъ былъ шестьсотъ рублей).

Какъ мы играли — не помню. Первый актъ кончился при гробовомъ молчаніи зрительнаго зала. Одна изъ артистокъ упала въ обморокъ, я самъ едва держался на ногахъ отъ отчаянія. Но вдругъ, послѣ долгой паузы, въ публикѣ поднялся ревъ, трескъ, бѣшеные аплодисменты. Зававѣсь пошелъ, раздвинулся... опять задвинулся, а мы стояли какъ обалдѣлые. Потомъ снова ревъ... и снова занавѣсъ... Мы все стояли неподвижно, не соображая, что намъ надо раскланиваться. На-

конецъ, мы почувствовали успѣхъ, и, неизменно взволнованные, стали обнимать другъ друга, какъ обнимаются въ пасхальную ночь. М. П. Лилиной, которая играла Машу и сводила заключительными словами пробила ледъ въ сердцахъ зрителя, мы устроили овацию. Успѣхъ росъ съ каждымъ актомъ и окончился триумфомъ. Чехову была послана подробная телеграмма.

Послѣ успѣха «Чайки» многіе театры стали гоняться за Чеховымъ и вели съ нимъ переговоры о постановкѣ его другой пьесы «Дядя Ваня». Пьеса была отдана намъ.

Мы тотчасъ же принялись за дѣло. Надо было прежде всего воспользоваться присутствіемъ Антона Павловича, чтобы договориться съ нимъ объ его авторскихъ желаніяхъ. Какъ это ни странно, но онъ не умѣлъ говорить о своихъ пьесахъ. Онъ смущался, конфузился и, чтобы выйти изъ неловкаго положенія и избавиться отъ насъ, прибѣгалъ къ своей обычной присказкѣ:

«Послушайте: я же написалъ, тамъ же все сказано».

Пли грозилъ намъ:

«Послушайте, я же не буду больше писать пьесъ. Я же получилъ за «Чайку» вотъ...».

И онъ вынималъ при этомъ изъ кармана пятачекъ, показывалъ его намъ, и снова закатывался продолжительнымъ смѣхомъ. Мы тоже не могли удержаться отъ смѣха. Бесѣда временно теряла свой дѣловой характеръ. Но, выждавъ, мы возобновляли допросъ, пока, наконецъ, Чеховъ не наекнетъ намъ случайно брошеннымъ словомъ на интересную смысль пьесы или на оригинальную характеристику своихъ героевъ. Такъ, напримѣръ,

мы говорили о роли самого дяди Вани. Принято считать, что онъ, въ качествѣ управляющаго именіемъ профессора Серебрякова, долженъ носить традиціонный театральный костюмъ помѣщика: высокие сапоги, картузъ, иногда плетку въ рукахъ, такъ какъ предполагается, что помѣщикъ обязуется имѣть верховъ. Но Чеховъ возмущался.

«Послушайте, — горячился онъ, — вѣдь тамъ же все сказано. Вы же не читали пьесы».

Мы заглянули въ подлинникъ, но никакихъ указаній не нашли, если не считать нѣсколькихъ словъ о шелковомъ галстукѣ, который носилъ дядя Ваня.

«Вотъ, вотъ же! Все же написано», — убѣждалъ насъ Чеховъ.

«Что написано? — недоумѣвали мы. — Шелковый галстукъ?».

«Конечно, же, послушайте, у него же чудесный галстукъ, онъ же изысканный, культурный человѣкъ. Это же неправда, что наши помѣщики ходятъ въ смазныхъ сапогахъ. Они же воспитанные люди, прекрасно одѣваются, въ Парижѣ. Я же все написалъ».

... Мы показали Чехову, а, кстати, и Севастополю, «Дядю Ваню». Успѣхъ былъ чрезвычайный. Автора вызывали безъ конца и мѣры. На этотъ разъ Чеховъ былъ доволенъ исполненіемъ. Онъ впервые видѣлъ нашъ театръ въ полной обстановкѣ публичнаго спектакля. Во время антракта Антонъ Павловичъ заходилъ ко мнѣ, хвалилъ, а по окончаніи сдѣлалъ одно лишь замѣчаніе по поводу отъѣзда Астрова:

«Онъ же свиститъ, послушайте... Свиститъ! Дядя Ваня плачетъ, а Астровъ свиститъ!». И на этотъ разъ большаго я добиться отъ него не могъ.

«Какъ же такъ, — говорилъ я себѣ, — грусть, безрадостность и — веселый свистъ?».

Но и это замѣчаніе Чехова само собой оживило на одномъ изъ позднѣйшихъ спектаклей. Я какъ-

то взялъ да и засвисталъ: на авось, по доврѣю. И тутъ же почувствовалъ правду. Вѣрно! Дядя Ваня падаетъ духомъ и предается унынію, а Астровъ свиститъ. Почему? Да потому, что онъ настолько извѣрился въ людяхъ и въ жизни, что въ недоврѣіи къ нимъ дошелъ до цинизма. Люди его уже не могутъ ничѣмъ огорчить. Но на счастье Астрова, онъ любитъ природу и служить ей ирреально, безкорыстно; онъ сажаетъ дѣся, а дѣся сохраняютъ влагу, необходимую для рѣкъ.

Изъ Севастополя мы перѣехали въ Ялту, гдѣ насъ ждалъ почти весь русскій литературный міръ, который точно сговорившись, съѣхался въ Крымъ къ нашимъ гастролѣямъ.

Ежедневно, въ извѣстный часъ, всѣ актеры и писатели сходились на дачѣ Чехова, который утѣшалъ гостей завтракомъ. Хозяйничала сестра Антона Павловича, Марія Павловна, нашъ общій другъ. На главномъ мѣстѣ хозяйки возсѣдала мать Антона Павловича, прелестная старушка, всѣми нами любимая. Слушая рассказы объ успѣхахъ пьесы Антона Павловича, она, несмотря на свои преклонныя лѣта, непремѣнно захотѣла поѣхать въ театръ, чтобы посмотрѣть не насъ, конечно, а Антошину пьесу. Въ день ея выѣзда, пріиди до завтрака, я засталъ Чехова чрезвычайно взволнованнымъ. Оказывается, что мамаша вынула изъ сундука свое старинное шелковое платьѣ, чтобы надѣть его вечеромъ въ театръ. Антонъ Павловичъ пришелъ въ ужасъ:

«Мамаша въ шелковомъ платьѣ смотритъ пьесу Антоши! Послушайте, нельзя же такъ».

И тутъ же, послѣ горячаго восклицанія, онъ закатывался веселымъ очаровательнымъ смѣхомъ, потому что бытовая картина мамашы, сидящей въ шелковомъ платьѣ и аплодирующей сыну, который написалъ пьесу и теперь ѣздитъ въ театръ, чтобы раскланиваться публикѣ, — казалась ему очень смѣшной и мѣщански-сентиментальной.

К. СТАНИСЛАВСКИЙ.

* Приводимъ главу изъ выходящей на дняхъ въ свѣтъ книги воспоминаній известнаго артиста, руководителя Московскаго Художественнаго театра К. С. Станиславскаго.